

Полякова Т. В. Теоретический аспект языковой картины мира как элемента национально-мировоззренческого самовыражения украинского народа.

Статья продолжает цикл публикаций автора по проблеме языковой картины мира в творческом наследии украинских поэтов. Акцентируется внимание на теоретических засадах концепции восприятия мира зарубежными и отечественными лингвистами.

Ключевые слова: языковая картина мира, концепт, лексико-семантическое поле, лексическая единица.

Polyakova T. V. The theoretical aspect of language picture of the world the element of national worldview self-expression of the Ukrainian people.

The article follows the author's publications on the problem of the linguistic world image in the poetic works of Ukrainian poets. The main attention is focused on the theoretical foundations of the world perception concept of foreign and domestic linguists. The work reveals the interdependence of human language and consciousness, thinking and activity. It is stressed that language influences the individual's conceptual view of the world, society and history. The author proves that language reflects the world in all its diversity.

Keywords: language picture of the world, lexico-semantic field, concept, the space micro field.

**Полякова Т. М.
Институт языковедения
имени А. А. Потебни НАН Украины**

КУЛЬТУРНО-БЫТОВАЯ ТРАДИЦИЯ ПОТОМКОВ УКРАИНСКОГО КАЗАЧЕСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Г. Ф. КВИТКИ-ОСНОВЬЯНЕНКО)

В статье анализируется украинская лингвокультура, представленная на страницах русскоязычных произведений Г. Ф. Квитки-Основьяненко, рассматриваются культурно-бытовые реалии, которые свидетельствуют о преемственности традиций украинского казачества.

Ключевые слова: украинские культуремы, русский художественный дискурс, культурно-бытовая традиция украинского казачества.

Украинский писатель Григорий Федорович Квитка-Основьяненко (1778 – 1843) родился на Слобожанщине, по происхождению относился к казацко-старшинскому роду (дядя Г. Квитки, украинский историк Квитка Илья Иванович /1745 – после 1817/, служил в Харьковском казачьем полку, собирал документы и материалы по истории Украины [5, с. 164]). Григорий Квитка писал на русском и украинском языках, его этнографические очерки и народно-бытовые произведения значительно повлияли на развитие украинской литературно-этнографической школы [10, с. 733], явились богатой энциклопедией исторических фактов.

Проза и статьи Г. Квитки (на украинском языке – в русском переводе) печатались в известных российских журналах “Москвитянин”, “Московский вестник”, “Отечественные записки”, “Современник”. В. Г. Белинский между “бесчисленными повестями талантливого Основьяненко” особенно выделял “замечательный роман “Пан Халявский” – сатирическую картину старинных нравов Малороссии, написанную рукою отличного мастера” [1, т. I, с. 729, 734, т. II, с. 585], а в отношении художественного отражения писателем малороссийского быта приравнивал Г. Квитку к Н. Гоголю, “умевшему рисовать малороссию русским языком” [1, т. I, с. 400-401].

В русскоязычных произведениях Г. Квитки “Пан Халявский” (роман) и “Панна сотниковна” (повесть) этнографически отражены отголоски казацкой эпохи, затрагивающие многие сферы украинского бытия. Писатель именует середину

XVIII века как “блаженную, святую старину”, “век золотой старовины”, юмористически обличает ее недостатки и характеризует некоторые современные реалии (роман написан в 1839, повесть – в 1840 году) как измененное наследие былого (Кв., 8, 12, 27, 59).

Г. Квитка воспроизводит внешний вид “отцов, прапращуров” поколения XIX века. Это “косы, плетешки, выстриженный и взъерошенный вержет” (Кв., 8). На торжественных церемониях мужской пол имеет следующий облик: “волоса красиво подбриты в кружок /подстрижены в кружок/, усы приглаженные, опрятные, как называли тогда “*чепурные*””; мужчины одеты в “славные суконные *черкески* темных цветов, рукава с велетами, т. е. назад откидными..; пояса блестят, точно кованые; за поясом, на золотой или серебряной цепочке нож с богатою оправою; сапоги сафьяна красного, желтого или зеленого; а кто пощеголеватее, так и на высоких подковах” (черкэска – “казацкая ретроterminология: номинация длинной верхней одежды” [15, с. 21-22, 76]) (Кв., 16, 139). Такой этнографической характеристикой отмечаются зажиточные представители украинских сословий первой половины XVIII века, а именно: паны, казаки, шляхта (дифференциация несколько условна, поскольку казаки и “особы из шляхетства” величались панами в силу своего материального состояния, “достатка и знатности древнего рода”, ряд представителей панства имел казацкое или шляхетское происхождение). С течением времени “все из казацкого перерядились в немецкое” (Кв., 139).

Наименование лица высшего украинского сословия (“*пан*”) употребляется в паре с ранговой номинацией казака (при этом используется не избирательно в отношении высоких и низких чинов). В произведениях отражена ранговая терминология военных должностей и званий в Украине, по которой очевидно, что в 30-е годы XVIII века элементы старинной казацкой иерархии (выделены курсивом. – Т. П.) продолжили свое существование с незначительными новшествами, привнесенными со стороны русской армии: *пан гетман*, *пан полковник*, *пан сотник*, *поручик* (“*поручник*”), *бунчуковый товарищ*, *войсковой (полковой) обозный (пан)*, *пан хорунжий*, *пан подпрапорный* (звание в Слободской Украине, синоним к номинации “значковой товарищ”), *сердюк* и капрал, прапорщик (с 1712 года лексема начала обозначать первый офицерский чин), ранговые казаки, пан есаул (*есаул / “осавул”*) – должность с XVI в. (начальник казачьего отряда) и чин в казачьих войсках с XVIII в. (об истории становления украинских военных должностей и званий, их обозначений см.: [12]).

Украинцы из простонародья, “свойственники и подпомощники” казаков одеты просто, носят “теплую *кирею*” или *свиту* серого уразовского сукна, простую шапку набекрень (из серой овчины с красным суконным верхом), *смазные* сапоги с приклеенными подошвами (“*кирея* юж. широкий казачий кафтан /чекмень/ с застежками” [4, т. II, с. 109, т. IV, с. 587], “лексема *кирея* употреблялась в качестве номинации казацкой одежды” [15, с. 87], “*кирея [керэя]* /устар./ “разновидность длинного верхнего плаща”; диал. *кирея* “верхний кафтан”; заимствование из турецкого языка” [6, т. II, с. 435]) (Кв., 157, 299, 322, 323).

Многие представители мужского пола вне зависимости от чина и возраста имеют *чуб* – символ “мужской гордости и чести”, зародившийся в казацкую эпоху [7, с. 12]. В тексте произведений Г. Квитки культурема *чуб* реализует символическую функцию, являясь средством обозначения определенных ситуаций, эмоциональных (и даже физических) состояний персонажей: “у гостей нагревались *чубы* и рделися щеки еще при первой перемене /блюд/”, “пан полковник, почесав *чуб*, запинаясь, с трудом произносит”, “меня порвали за *чуб* порядочно” (Кв., 22, 28, 36). В повести “Панна сотниковна” этот атрибут казачьей стрижки (“длинная прядь волос, оставленная на

бритом темени; оселедец” [2, с. 1484]) служит наименованием особы мужского пола в Украине – употребляется в качестве синекдохи, например: “Завтра звал нас к себе на именинный пир какой-то здешний *чуб* (*пан сотник*. – Т. П.)” (Кв., 311). Номинация украинского казака *чубом* исходит в произведении из уст россиянина, что подтверждает пути возникновения этнонима “хохол”. В отличие от лексемы “хохол”, прозвища, данного русскими украинцам по виду их прически – торчащего клока волос на макушке (“прическа хохлом” [4, т. IV, с. 563]), употребление номинации *чуб* в качестве этнонима не получило устойчивой традиции в русском языке, хотя и имело предпосылки (фиксация лексемы в этом значении имеется в Словаре В. Даля: “*Ой вы, чубы!* хохлы, малороссы” [4, т. IV, с. 611]).

Традиционный наряд украинской “*дивчины*” или представительницы казачьих семейств (*пани бунчуковой товарищкы, пани хорунжевой, пани есауловой, панны есауловны, панны сотниковны, пани сотнички, пани подпрапорной, пани обозной*) обширно освещен, разнится по праздничному или будничному типу. Для воссоздания этнографического портрета “женского пола”, как и других реалий украинского быта, Г. Квитка прибегает к украинским языковым средствам (национальным лингвокультурным знакам) с различными способами их толкования – описательным, переводом в скобках и др.

Украинские “*красы*” в торжественный день носят “*кунтуши* богатейшей парчи, такой что и не согнешь; на стану перехвачено, сутою сеткой выложено; люстриновые *юпки*, корсеты глазетовые; *запасочки* (шелковые) заморских пестрых материй... На головах кораблики (глазетовые) или *очипки* парчи сутой, как жар горят!.. На шее *намиста, намиста! дукатов, еднусов, крестов!*.. какие рукава их рубашек – это заглядение, тонкого холста, кисейные... Да все это вышито преискусно разных цветов шелками, золотом, серебром... Косы заплетены мельчайшими *пасмами*, свиты венком и уложены на макушке, а по лбу положены, одна на другой, разных цветов ленты или позументы, а поверх их – золотой газ сутой... Из-под шелковой *плахты* виднеется “*ляхавка*”, т. е. подол сорочки, таким же узором вышитый, как рукава... Каждая все это получила от матери, а та – от своей матери, и так все выше” (кунтуш – “[польск. < венг.] старинная украинская и польская верхняя одежда в виде кафтана с широкими откидными рукавами” [2, с. 480], еднус – “то же, что и дукат / дукат: жетон или монета, носимая женщинами на шее” [3, т. I, с. 467, 455]) (Кв., 17, 314, 322).

Традиционные украшения, которыми унизаны “белая шея и грудь” украинки, – “*кораллы, разкі* (нити) *намист* и янтарей с *дукатами* чистого золота и серебряными крестами, червонцами” (дукат – “устар. женское украшение в виде монеты; заимствование из итальянского языка, очевидно, через немецкий и польский язык” [6, т. II, с. 143]) (Кв., 312, 314, 322, 324).

Своеобразной чертой творчества Г. Квитки является пояснение или уточнение украинизма украинской культуремой – прием, который невозможен для русских писателей, обращающихся к украинской тематике, например: “... накупил ей дорогих *намист* (*кораллов*)” (Кв., 322); ср. у А. Куприна: “Это была нитка дешевых красных бус, известных в Полесье под названием “*кораллов*”” (Купр., 329).

Повседневная женская одежда, а также одежда малоимущих имеет те же элементы, но изготовлена из простой ткани (т. е. не из “лучшего сукна” или “атласа”): “*стидниця* (юбка), *юпка* (корсет), *запаска* (передник), *очипки*, кораблики” (Кв., 293, 322, 324).

В творчестве Г. Квитки представлен богатый ряд словообразовательных производных и грамматических форм украинской номинации лица *пан* (количественно разнящийся, например, от перечисления форм этой культуремы в литературно-

художественном творчестве А. Куприна, связанного с украинской тематикой, или в художественных произведениях писателя-билингва В. Короленко – в сопоставлении с последним Г. Квитка более близок и предан украинской культуре): *паныч*, *пане* / *паныченько* (формы обращения), *панотець* (не о церковной особе, обращение к казацким старшинам), *панычевская* /шалость/, *панычевская* (в значении жилой комнаты *панычей*); *пани*, *панна*, *панянка*, *паняночка*, *панночка*, *панночкина* /натура/, *панночкин* /взгляд/, *панеи* /“у своей *панеи*”/ (ж. р., ед. ч., род. п.), *панею* /“с своею *панею*”/.

В художественном тексте Г. Квитки функционирует несколько вариаций старинного “почета украинских гетманов или /польских/ панов” [4, т. IV, с. 681; 11, т. IV, с. 1467], однокоренных единиц “почетно-почтительного эпитета” *ясновельможный* (от польск. *jaśnie wielmożny*). Этот ряд включает грамматическую форму, характерную для украинского языка (*вельможна* пани), а частотность употребления различных вариантов “почета” свидетельствует о стабильности украинской традиции своеобразного обозначения знатности, родовитости казацкой особы в рассматриваемый исторический период: *вельможный* пан полковник, их *вельможность* пан подпрапорный, его *ясновельможность* пан полковник, *великовельможные* казаки, *наияснейший* пан гетман.

В торжественные дни (на банкетах) собираются шляхта, казаки, паны. Праздничные сборища представляют собой “временпровождение” как обывателей – потомков казаков древнейшего рода, так и служащих регулярной казачьей армии. Почетным гостем избирается высокий казачий чин – его *вельможность пан полковник* (Кв., 13-29). Литературно-художественная фиксация украинской реалии предопределяет воспроизведение национальных особенностей музыкальной культуры, празднично-бытового уклада, кулинарных пристрастий.

Команда казаков формирует почетный караул, сопровождающий *пана полковника*. “При этой команде всегда находятся *сурмы* (трубы) и *бубны* (литавры)”, при приближении уважаемого казачьего лица – *сурмы сурмят* и *бубны* гремят /бьют, стучат/ в его честь. На “представительных потехах”, театральных инсценировках, играют на *бубнах* и *цимбалах* (цимбáлы – “старинный музыкальный инструмент, состоящий из деревянного корпуса в виде трапеции и металлических струн, на которых играют, ударяя молоточками или палочками” [9, т. XI, с. 214], “заимствование из латинского языка через польский” [6, т. VI, с. 248]) (Кв., 16, 17, 27, 144).

Описание изобильного угощения отражает все аспекты украинского кулинарного искусства, включая историю номинации блюд, рецепты их приготовления, порядок приема пищи.

Традиционные первые блюда – борщи и супы. Первые характеризуются широкой разновидностью: “борщ с говядиною – или, по-тогдашнему, с *яловичиною*; борщ с гусем, прежирно выкормленным; борщ со свининою; борщ Собиеского (бывшего в Польше королем); борщ *Скоронадского* (*гетмана* малороссийского)... по истории известно, что эти особы сами составили особого рода борщи, и благодарное потомство придало этим блюдам имена изобретателей. Рыбный борщ печерский, бикус, борщ с кормленую уткою...” (Кв., 22).

Супы подносились “разных сортов и вкусов”: “суп с лапшою, суп с *рыжем* и *родзынками* (сарачинское пшено и изюм), суп исторический, подобно борщу носивший название “Леопольдов суп”, изобретение маркграфа Римской империи... Мясо разрезывалось на тарелке имевшимся у каждого гостя ножом, а ели – за невведением еще вилок, или *виделок*, – руками” (Кв., 22, 23).

Перемену блюд (борщей, супов, “сладкого” и т. д.) “возвещали” упомянутые казацкие *бубны* и *сурмы* (сурма́, сурмы́ – “старинный духовой музыкальный инструмент прямой вытянутой формы, который использовался преимущественно как сигнальный. Сурма – один из видов казацкой деревянной трубы” [9, т. IX, с. 854], “(муз.) труба; заимствование из турецкого языка” [6, т. V, с. 480]).

“Сладкое” состояло из утки с *родзынками* и черносливом на красном соусе; ножек говяжьих с таким же соусом и с прибавкою “миндалю”. При третьей перемене блюд “поставлялись” наливки разных цветов, вкусов, сортов и родов: *вишневка*, *терновка*, *сливянка*, *яблонька*, *грушовка* и проч. (“Таковий напиток едва ли и боги на Олимпе пьют в праздничные дни” (Кв., 8, 23, 62, 75, 311)). Пили наливки не из рюмок, а кубками и стопами, “что пиво и мед”.

Перед *панночками* ставились особые “*ласоци*”: “орехи каленые и мышеловки, яблоки, повидлы (медовые варенья)” (Кв., 27).

По окончании пиршества выпивали “*на потуху*” по стакану меда особого свойства (Кв., 23, 26, 27) (“*випити на потуху* – разг. устар. выпить на прощание; выпить последнюю /по последней, разгонную/” [13, т. IV, с. 272], “выпить под конец, на похмелье; заимствование из польского языка” [6, т. IV, с. 544]).

“*На потуху*” могла подноситься чашками и “*вареная*” (“*варена* – сваренная с медом и специями водка, варенуха” [13, т. I, с. 113]). Г. Квитка перечисляет ингредиенты старинного православного напитка, “драгоценного по благоуханию, здоровью, вкусу и дешевого”, на смену которому в дальнейшем пришли дорогие (“якобы заморские”) вина с мудреными названиями, во многом уступающие “*вареной*”, – “... весь материал домашний: водка, ягоды разные и несколько ароматных произведений: перец, корица, лавровый лист” (“Пан Халявский”) (Кв., 26, 27). В повести “Панна сотниковна” культуrema *вареная* (напиток, которым по праздникам потчуют казаков) сопровождается обширной сноской-рецептом: “– А что же? – отозвался на их рассуждения *пан есаул*, подувая в чашку “*вареной*”*, четвертую круговую... *Сушеные вишни, яблоки, груши, калина, изюм, чернослив и т. п. поливается вишневкою или другою наливкою, в замазанном горшке ставятся в печь, и на другой день горячая, прямо из печи, разливается в чашки для угощения” (Кв., 307). Словарь В. Даля в дефиниции “варенуха” определяет “пьяный напиток из наваара водки и меду на ягодах и пряностях” как “малороссийскую” реалию, которая еще существовала к началу XIX века; в общем ряду даются русские лексемы “взварец”, “*душепárка*” (“род глинтвейна”), что представляет интерес в отношении традиционнопредставлений о предмете и их отражений в языковом знаке [4, т. I, с. 166, 506].

Г. Квитка упоминает украинский обычай полдника (“часу в четвертом с полудня”) и традицию “*подвечерковать*”, “*подвечеркованья*” (“к вечеру”). В первом случае “следуют” блины и *вареники* (политые маслом и сметаною), яичницы. Блюда “*подвечерковать*” – ветчина, солонина, буженина, полотки, соленые перепелки и другие жареные птицы при “беспрестанном потчивании разными сортами пива и меду” (Кв., 13, 26, 27). Украинский мед, древний напиток славян, рецепт которого сохранен в “Малороссии”, – “на вид чистый, прозрачный, как хрусталь, как ключевая вода” – предмет особой гордости автора: “В великой России таких медов, как у нас, в Малороссии, варить не умеют” (Кв., 20, 24).

В будничные дни стол *панов* более скромнее, но также разнообразнее. Среди повседневной *стравы*, продуктов, напитков упомянуты *паляницы*, *маковники*, *вареники*, *галушки* (“из пшеничной или гречишной муки, вздобные в молоке”), ботвинья из раков, которое в Украине имеет название “*холодец*” (“*ласый до холодицю*”),

“квасок” (“особенное мясное кушанье с луком”), сыр (“говоря по-петербургски “творог””), терновый квас, *горилка* разных сортов, вкусов и цветов: красная мастихинная, кардамонная с золотом, имбирная коричневая, зеленая (“*добрая чарка водки*”, “калган гнатою *горелки*”) (Кв., 8, 13, 19, 32, 36, 45, 50, 56, 57, 60, 79, 83, 110, 154, 186).

Восточнославянский обычай празднования Рождества Христова освещается с учетом специфики украинской традиции, национально-культурное своеобразие обрядных действий, совершаемых в “тутошних казацких семействах”, подчеркивается использованием украинских номинаций. Так, “в “первый *святвечер*” (сочельник перед Рождеством) встают “*вдосвета*”, готовят все необходимое на тот день, именно: “взвар и кутью”*... *Взвар, или, по выговору, *узвар*. Сушеные вишни, яблоки, груши и т. п. и еще, по достатку, изюм, винные ягоды, чернослив варятся и подаются после всего за обедом в сочельник, так равно и “кутья”, из пшеничных круп каша, расправляемая сытою, или соком из мака... Оба эти горшка ставятся на почетном угле и во все святки подают к столу: из них съедают хотя понемногу в конце обеда. В *голодный же святвечер* (крещенский сочельник) совсем доедают взвар и кутью с некоторым благоговением, как святыню, прося Бога, чтоб благословил дождать и на будущий год” (Кв., 296).

При появлении “желанной звезды”, по “предковскому обряду”, принимают на сене “*вечерю*”: взвар из сладких овощей, кутью с сытою, пироги, изюм, чернослив, пряники (Кв., 301, 302).

В первый день Рождества выступают “*виришаники*” (сыновья казаков, обучающиеся в школе у пана дьяка), они говорят поздравительные *вириши* казацким старшинам. В последующие праздничные дни (святки), на званых обедах или на “*вечерницах*”, поют *канты*, *кантики* (“совсем отлично от прежних сложенные”), “колядные”, а потом и “*весельные*” (свадебные) песни, каждую песню заключают “*прикладками*”, “*танчат гопака*”... важные польские не были еще известны в этом кругу (т. е. казачьем. – Т. П.); танцы или пляски были национальные, живые, быстрые, возбуждающие к веселости” (Кв., 101, 304, 309, 312), “*колядуют*”, на полученные деньги покупают *горелку* в *шинке* и нанимают “*скрипника*”; “отгулять *колядку*” – означало прогулять собранные деньги (Кв., 314).

Влияние казацкой эпохи, *гетманщины*, на жизнь последующих поколений сказывается в сохранении правил казацкого военного устава, а также множества бытовых традиций среди казачьих семейств, населявших в XVIII веке *Хорол*, окрестности *Харькова*, *Батурина*, *Переяслава* (“Малороссийскую подсолнечную”, по выражению Г. Квитки), *Кобеляки*, *Лубны*, *Изюм*. Так, за “ослушность” (невыполнение задания высшего казачьего чина) в мирное время казака следовало “научить *добре*”, а в “походе” за такую провинность ему грозила “неминуемая смерть” (Кв., 300-301). По праздникам в дом “богатейших казаков” ходили школяры исполнять псалмы и *канты* (Кв., 45), а представительницы богатых казачьих семейств выделяли бедным и вдовым казачкам необходимые продукты для приготовления национальных праздничных блюд (Кв., 297).

Повесть “Панна сотниковна” содержит страницы конкретного исторического содержания: сведения об избрании высшего казачьего руководства в 30-е годы XVIII века, обоснование цели существования видоизмененного украинского казачества и его связей, слияния с русской армией в этот же временной период (по наблюдению А. А. Потебни, “повести Г. Квитки имеют местный интерес, однако в них суть важны исторические документы. Автор писал с натуры, измышляя весьма немного, без особенных усилий отделяемое от остального” [цит. по: 14, с. 243]).

Например, со ссылкой на летопись, упоминается элекция (избрание) на малороссийское гетманство его *ясновельможности* Даниила Петровича Апостола (1-го октября 1727 года, на праздник Покрова). Заклятые враги казаков – ляхи, крымчане, татарва. Одновременные “обережение домов”, казачья служба, восстановление “неустроенного хозяйства” ослабляют казачьи сотенные отряды, и они прибегают к помощи регулярной армии (Кв., 307). Один из главных персонажей повести, *пан сотник*, освещает бытие и текущие проблемы малороссийских казаков к 1733 году: “Мы много сделали для отечества. Оставя все свое, правда, избегая утеснений от заклятых врагов, ляхов, мы могли бы рассеяться по бесконечной России; но именно эти самые места избрали мы, чтобы стать стеною против орды, продолжать наше казачество, с кровью предками нам переданное, и, не входя в расчеты, чего нам это будет стоить, решились удерживать крымскую погань от набегов на присную матку нашу Россию. Тяжело нам, это правда. Вот теперь исходит 1732-й год; без одиннадцати сто лет как мы не пускаем татар и все еще падем при *рушницях* (ружьях). *Чумаки* наши, идя в дорогу, также вооружаются, как бы готовясь на битву, и мы не имеем покоя, но не унываем, а бьемся и надеемся добиться спокойствия, уже не нам, но потомкам нашим” (Кв., 307-308).

При наименовании местных, слободских украинских “сотенных” Г. Квитка не разграничивает формы *козак* и *казак*, употребляет их не системно в отношении национальной принадлежности: “войдя в хату одной из вдовых *козачек*”; “молодые, черноусые, гарные *казаченьки*” (Кв., 57, 303). Вариантность форм в русском языке отмечает Словарь русского языка XI – XVII вв. (см., например, экzemплификацию к дефиниции “дуванитися” [8, с. 371]) и Словарь В. Даля [4, т. II, с. 72]; толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова фиксирует динамику перемещения лексемы *козак* на периферию: “*казák* (*козák* устар.), мн. *казáки* и (устар.) *казаки*” [11, т. I, с. 1280]. В творчестве В. Короленко целенаправленное написание *козак* обусловлено художественно-историческим освещением украинской темы (“Лес шумит”, 1886) (Корол.). А. Куприн, несмотря на украинскую тематику произведений, употребляет исключительно форму *казак* (“Серебряный волк”, 1901 и др.) (Купр.). Вариантность написания лексемы *козак* / *казак* в русском художественном тексте связана не только с процессом стабилизации литературной нормы, но и с индивидуально-авторским стилем, художественной задачей (национально-языковым, номинативным разграничением), происхождением писателя.

Роман “Пан Халявский” и повесть “Панна сотниковна” можно рассматривать как значительный исторический документ начала постэпохи украинского казачества, в котором Г. Квитка запечатлел дальнейшее развитие казацкой организации в Украине, зафиксировал ее культурное наследие, преемственность бытовых и военных традиций. Своеобразное использование многочисленных украинизмов в тексте произведений на русском языке объясняется принадлежностью писателя к украинской культуре. Очевидно, что в определенных ситуациях этнографического воспроизведения украинской реальности для Г. Квитки не представлялось возможным отказаться от “образно-технических” средств украинского языка, вскрывающих ассоциативные параллели украинского мировосприятия, межнациональные культурно-исторические контакты.

Л и т е р а т у р а :

1. *Белинский В. Г.* Собрание сочинений : в 3 т. / В. Г. Белинский. – М. : Гос. изд-во худ. лит-ры, 1948.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.

3. Грінченко Б. Словарь української мови : в 4 т. / Б. Грінченко. – К. : Наукова думка, 1996–1997.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. Даль. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955.
5. Енциклопедія історії України : у 8 т. / редкол. : В. А. Смолій (голова) та ін. – Т. IV. – К. : Наукова думка, 2007. – 528 с.
6. Етимологічний словник української мови : у 7 т. / [гол. ред. О. С. Мельничук]. – К. : Наукова думка, 1982–2012.
7. Кононенко В. І. Шляхами народних приповідок / В. І. Кононенко. – К. : РБЦ “Проза”, 1994. – 206 с.
8. Словарь русского языка XI – XVII вв. – Выпуск 4 (Г–Д). – М. : Наука, 1977. – 403 с.
9. Словник української мови : в 11 т. / [гол. ред. кол. І. К. Білодід]. – К. : Наукова думка, 1970–1980.
10. Слов’янський світ. Словник-довідник міфологічних уявлень, вірувань, обрядів, легенд та їхніх відлунь у фольклорі і пізніших звичаїв українців, братів-слов’ян та інших народів / упорядник О. А. Кононенко. – К. : Асоціація ділового співробітництва “Український міжнародний культурний центр”, 2008. – 784 с.
11. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935–1940.
12. Туровська Л. В. Військові звання та посади в Україні: Історико-генетичний аспект вивчення української військової термінології / Л. В. Туровська. – К.-Ірпінь : Перун, 2005. – 160 с.
13. Українсько-російський словник : в 6 т. / [гол. ред. кол. І. М. Кириченко]. – К. : Вид-во АН УРСР, 1953–1963.
14. Франчук В. Ю. Олександр Опанасович Потебня. Сторінки життя і наукової діяльності / В. Ю. Франчук. – К. : Видавничий дім Д. Бураго, 2012. – 376 с.
15. Яценко Н. О. Формування назв військового одягу в українській мові / Н. О. Яценко. – К. : Видавничий дім Д. Бураго, 2009. – 179 с.

Источники :

1. Кв. – Квитка-Основьяненко Г. Ф. Прозаические произведения : в 7 т. – Т. IV. – К. : Наукова думка, 1979. – 543 с.
2. Корол. – Короленко В. Г. Избранные произведения. – М. : Гос. изд-во худ. лит-ры, 1948. – 672 с.
3. Купр. – Куприн А. И. Собрание сочинений : в 6 т. – Т. II. – М. : Гос. изд-во худ. лит-ры, 1957. – 591 с.

Полякова Т. М. Культурно-побутова традиція нащадків українського козацтва (на матеріалі російськомовних творів Г. Ф. Квітки-Основ’яненка).

У статті проаналізовано українську лінгвокультуру, яка є наявною в російськомовних творах Г. Ф. Квітки-Основ’яненка, розглянуто культурно-побутові реалії, які засвідчують спадкоємність традиції українського козацтва.

Ключові слова: українські культурреми, російський художній дискурс, культурно-побутова традиція українського козацтва.

Polyakova T. M. The traditions of culture and everyday life of the Ukrainian Cossacks’ descendants (with reference of the Russian-language literary works of H. F. Kvitka-Osnovjanenko).

The article is devoted to the analysis of Ukrainian linguoculture as represented by the Russian-language literary works of the Ukrainian writer H. F. Kvitka-Osnovjanenko, paying particular attention to the facts of cultural and everyday life that testify to the continuity of the legacy of the Ukrainian Cossacks’ traditions.

Keywords: Ukrainian culture-specific words, Russian literary discourse, the Ukrainian Cossacks’ traditions of culture and everyday life.